

УДК 330.3+338.2

Т.И. Коломиец

ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЮТ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ?

В статье обосновывается положение о растущей неэффективности институтов развития, ориентированных в РФ на поддержание инвестиционных проектов бизнеса и создание условий устойчивого роста экономики государства и территорий. Обосновывается недостаточность регулирующих воздействий государства при отсутствии согласованной модели развития. Подтверждается необходимость изменения модели взаимодействия государства и бизнеса в рамках стратегических преобразований на средне- и долгосрочный период.

Ключевые слова: институты развития, внесистемное взаимодействие, точечное регулирование, эффект недоверия к институтам власти и управления.

Основные индикаторы развития экономики России демонстрируют устойчивую потерю позитивных тенденций, наметившихся в 2000-е гг., и подтверждают наихудшие прогнозы относительно исчерпания потенциала экспортно-ориентированного развития с опорой на энерго-сырьевой сектор. Средние темпы роста мировой экономики, равные 3–5% в год, Китая – 8% превосходят средние показатели РФ 2013 г., равные 1,3%. Что касается отраслей промышленного производства, то в 2013 г. в них произошло снижение показателей на 1% (в США в тот же период отмечено повышение на 3,2%) [1. С. 4].

Не внушает оптимизма и заявление А. Улюкаева, сделанное им в интервью РБК по итогам прошедшего 2013 г. Согласно данным, представленным главой Минэкономразвития, инвестиции в основной капитал сократились за период на 0,3%, а инвестиции частного бизнеса, напротив, выросли в пределах 7%. Официальный прогноз роста экономики в текущем году в 3% может быть пересмотрен уже в апреле. Министр ожидает, что новая оценка роста ВВП (по ней будут считать бюджет на 2015–2017 гг.) окажется в границах 2–2,5% [2].

Ориентация на инновационный прорыв в этих условиях уступает место скептическим прогнозам в части потери темпов прироста ВВП, при росте безработицы и инфляции. Стали общим местом в большинстве СМИ выводы, раскрывающие состояние общества на фоне разрыва между богатыми и бедными при неснижающихся аппетитах чиновников («золотые парашюты») и части представителей депутатского корпуса, не заинтересованных в защите интересов населения, блокирующих принятие законопроектов по ограничению тарифов в ЖКХ, потреблении воды и электроэнергии. Эффект антиинновационного потенциала при снижении конкурентоспособности промышленности на фоне роста энергетических тарифов был оценен специалистами достаточно давно. В одной из публикаций С.Ю. Глазьев также предупреждает о снижении конкурентоспособности российской оборонной промышленности в связи с ростом тарифов на базовые энергоносители [3. С. 7].

Позиции ряда потенциально конкурентоспособных отраслевых секторов (таких, например, как энергетика и авиастроение) подрываются деятельностью государственных ведомств, допускающих практику вкладывания средств госкорпораций в закупку зарубежного оборудования в интересах получения краткосрочного эффекта экономии затрат. В долгосрочном плане это грозит уничтожением целых отраслей промышленности, потерей квалифицированных специалистов, дестимулированием частного бизнеса к поиску и внедрению новых перспективных технологий в действующие производства. Среди недавних примеров – закрытие в 2014 г. с увольнением 1500 человек персонала химического комбината в г. Усолье Сибирское Иркутской области. Официальное объяснение – комбинат не выдержал конкуренции с производством Китая, куда как раз планировал экспортировать свою продукцию.

Переход на зарубежные технологии не позволяет сформировать условия для отрыва отечественной экономики на базе эксплуатации собственных наукоемких продуктов нового поколения. Напротив, как обоснованно утверждается, «наша экономика теряет «интеллектуальную ренту», определяющую ценовые параметры наукоемких изделий. При этом, с одной стороны, в оплату подобной ренты, содержащейся в цене импортного оборудования, направляется все большая часть природной ренты, образующейся при эксплуатации российских месторождений полезных ископаемых; за рубежом остается и значительная часть валютной выручки от экспорта сырья, направляемая на погашение иностранных кредитов. С другой стороны, российская обрабатывающая индустрия лишается собственной сырьевой базы, ибо более половины углеводородов и две трети минерального сырья уходят на экспорт» [3. С. 8].

И это при том, что, как указывается на официальном сайте Минэкономразвития, «становление в Российской Федерации современной инновационной экономики остается в настоящее время важнейшей задачей, в решение которой весомый вклад вносят институты развития. Департамент корпоративного управления осуществляет работу по обеспечению деятельности институтов развития и госкорпораций, в том числе Внешэкономбанка, госкорпорации «Роснано», госкорпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», ОАО «Российская венчурная компания», ОАО «Росинфокоминвест», ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» и других. В частности, Департамент курирует вопросы совершенствования и координации их деятельности, обеспечивает участие руководства Министерства в органах управления институтов развития – наблюдательных советах и советах директоров» [4]. Возникает полное ощущение, что их голос слабо слышен или они занимаются не своим делом. При этом нет стратегических планов развития технологической базы, согласующихся с разрабатываемыми параметрами социально-экономического развития и развития институтов контроля за исполнением принимаемых на высшем уровне мер. Отсутствие серьезной возможности для развития на инновационной основе подтверждает норма накопления в ВВП, которая, по мнению экспертного сообщества, должна быть не менее 35%. По данным Госкомстата, удельный вес валового накопления в ВВП РФ составил в 2013 г. лишь 22,6% [5].

Между тем корпоративный капитал, как видно из опыта Китая, Индии и других стран, нуждается в государственной поддержке и при ее наличии способен демонстрировать весьма позитивные результаты. Они свидетельствуют, что участие государства в капитале корпораций способствует реализации общенациональных интересов, делает его более устойчивым в глобальной конкуренции. Практика развитых стран демонстрирует многочисленные прецеденты того, когда национальные государства не останавливаются перед прямым вмешательством в развитие корпоративного сектора, коль скоро появляется необходимость нейтрализовать возникающие угрозы интересам соответствующих стран. В. Дементьев ссылается на опыт Франции периода 2006–2007 гг., когда президент Н. Саркози призвал бизнес к «созданию крупной европейской группы в сфере производства электроэнергии и поставок газа, где государство было бы основным держателем акций» в ответ на ужесточение правил международной конкуренции [6. С. 31]. В Китае именно контролируемые государством ТНК превращаются в ведущие мировые корпорации. Мощные частные бизнес-группы демонстрируют способность наилучшим образом функционировать в обрабатывающей промышленности, реализуя возможности корпоративной технологической и исследовательской базы.

Сложившаяся в России государственно-капиталистическая модель развития, при отсутствии серьезной заинтересованности бизнеса к участию в приросте потенциала ключевых отраслей и удовлетворению потребительского спроса в товарах отечественного производства, встречает растущее негативное восприятие со стороны самых широких кругов общества. Названная модель, основанная на принципах снижения эффекта присутствия государства в экономике, при отсутствии стратегических целей и связанных с ними инструментов косвенного регулирующего воздействия не может обеспечить ощутимые импульсы к развитию и удовлетворению гражданских инициатив. Эта модель, наконец, не соответствует реалиям мирового социально-экономического процесса, о чем уже говорилось выше. Ощущается острая потребность в обобщении практики функционирования ключевых субъектов российского экономического пространства, выстраивания ими конкретных форм взаимодействия, позволяющих (или не позволяющих) максимизировать результат использования совокупности имеющихся ресурсов.

Научное сообщество – и не только экономическое – стоит сегодня перед необходимостью модернизации исследовательской парадигмы процессов технико-технологического и социально-экономического развития, диктуемой накоплением качественно новых явлений в развитии хозяйственных систем. Действительно, множество эндогенных и экзогенных факторов общественной динамики с неизбежностью сказывается на источниках, условиях, темпах преобразований, мотивах поведения основных субъектов, избранных инструментах воздействия и, безусловно, на самом характере взаимоотношений бизнеса и государства. Многочисленные примеры, обобщенные представителями науки и экспертного сообщества, позволяют утверждать, что речь в настоящее время может идти не о «провалах рынка» периода индустриального развития, а о роли государства и специфике функций госрегулирования в условиях глобализации и становления постиндустриализма, когда «опти-

мизацию масштабов госсектора... надлежит сопрягать с общими социально-экономическими, геополитическими и иными реальностями», согласуясь с условиями и стадиями развития страны, позицией относительно других стран и особенностями культуры [6. С. 32]. Большинство населения России остро воспринимает нарастание конфликта интересов, напряженности, порожденной вытеснением культуры и морали сотрудничества в пользу элементов капиталистической конкуренции.

С точки зрения поставленной задачи необходимо принять во внимание те новые формы движения капитала и концентрации ресурсов в глобальном масштабе, которые приводят к изменениям организации управления процессами их аллокации, как на уровне государственного, так и частного хозяйства. В мире в целом с очевидностью исчерпали себя технологии управления процессами хозяйственного развития, накопленные в период массовой индустриальной цивилизации середины – конца XX в. Что же касается конкретно развивающихся экономик, то их способность к выживанию и росту все больше ставится в зависимость от формирования новых, более эффективных принципов взаимодействия науки, образования и бизнеса для достижения общенациональных целей. Приходит понимание естественных пределов экстенсивного роста экономики за счет использования природной ренты.

Обращение к исследовательским результатам, аккумулируемым мировой экономической мыслью на протяжении нескольких десятилетий, позволяет убедиться, что рыночная система, как и совокупность явлений, составляющих хозяйственный порядок в целом, имеет неразрывную связь с экономическими, правовыми и политическими процессами. Как полагал еще Вальтер Ойкен, взаимосвязанное осуществление государственно-правового и хозяйственного порядков составляет основу реализации принципов правового государства. Связь рыночной системы с правовым государством является прямой и обратной, усиливая наличие их взаимосвязи. При этом «рыночная система есть результат соблюдения всеобщих правил поведения и не существует без них» [7. С. 393]. «Если мы хотим высказать научные, т.е. поддающиеся эмпирически-информативной проверке, тезисы о рыночной системе, то «чисто экономическая перспектива» будет невозможна», – писал Э. Хопманн. Необходимо признать, что характер экономического поведения субъектов определяется правилами и нормами, имеющими генетическую, культурную и моральную стороны [7. С. 394]. Представители институционального направления экономической мысли, следуя Т. Веблену, открывшему институционализм как исследовательскую научную парадигму, продолжают поиск важнейших институциональных рамок, в которых осуществляются процессы взаимодействия рыночных субъектов в реалиях начала XXI в.

Примеры отсутствия результативной рыночной конкуренции на рынках капитала отмечались уже представителями немецкой школы. «Хотя повсюду говорится о прогрессирующей либерализации рынков капиталов, – отмечает Вальтер Освальт, – этот процесс остается исключительно односторонним. ...основные механизмы финансовых рынков... на самом деле по своей природе враждебны конкуренции и срабатывают лишь в отдельных пунктах» [8. С. 454–455]. Поскольку же частный капитал в правовом государстве является самой действенной силой, способной наладить общественный экономический

порядок, «должны быть сокращены, а в перспективе абсолютно устранены не только все прямые и точечные субвенции, но и все остальные косвенные государственные инструменты по содействию экономическому росту», ибо они сопряжены с поддержкой крупного капитала [8. С. 456].

Последнее замечание в полной мере может быть отнесено к ситуации, сложившейся в пореформенной России, реализовавшей курс на устранение централизованного планирования при введении рыночных начал в деятельности хозяйствующих субъектов. Меры участия государства, как становится очевидным, носят скорее характер «точечного» воздействия. Они явно не могут быть квалифицированы как выверенные, т.е. продиктованные условиями необходимой корректировки последствий рыночных трансакций с участием бизнес-структур. Как подчеркивает О.Г. Дмитриева, «в управлении государственным сектором имела место постоянная тенденция смешивания государственной и частной собственности, как в смысле прав собственности, так и в смысле использования рыночных и государственных форм регулирования» [9. С. 31]. Означенные процессы были охарактеризованы как «диффузия» отношений государственной и частной собственности при отсутствии законодательных основ регулирования деятельности их субъектов. К неизбежным следствиям таковых процессов относится прежде всего диффузия «прав собственности... в плане применения нерыночных и рыночных регулирующих режимов» [10. С. 13–14].

В научных исследованиях все явственнее звучит мысль о необходимости отказа от «рыночного фундаментализма», сопряженного с исследованиями «постиндустриальной экономики», в пользу парадигмы «неоиндустриализма», несущей высокий научно-технический потенциал [11. С. 46]. С позволения читателя приведем несколько пространное, но заслуживающее одобрения высказывание о необходимости преодоления концепции постиндустриальной экономики, созвучной с идеями «сверхиндустриализма», «постфордизма», «информационного общества», которые ведут к «еще более жестким вызовам природе и культуре». Ссылаясь на мнения группы экономистов, авторы пишут буквально следующее: «Тиражируемые ныне различного рода версии относительно постиндустриальной перспективы базируются, с точки зрения ряда исследователей, на упрощенном, по сути, поверхностном понимании природы и характера индустриализации, на искусственном умалении роли индустриального производства в так называемой информационной экономике, или в экономике знаний. Такого рода термины, по мнению некоторых ученых, лишены смысловой нагрузки и потому следует вести речь о переходе ведущих индустриальных стран не к постиндустриальному обществу, а к новой стадии индустриального развития – неоиндустриализации. Под «неоиндустриализацией» обычно понимается совокупность автоматизированных или технотронных производительных сил, а сама индустриализация не есть одноразовый процесс, завершаемый становлением крупномашинного производства» [12. С. 21].

Этап неоиндустриализации обостряет значимость трансформационных сдвигов в системе социальных взаимодействий. Подтверждением выводов представителей научного сообщества становится растущее накопление потенциала человеческого и культурного капитала, разнообразия институцио-

нальной среды в качестве локомотивов социально-экономического развития в XXI в. Технологические и социальные инновации, сопровождающие процессы развития, включают в качестве неотъемлемого элемента широкий спектр интеграционных взаимодействий. В развивающихся экономиках они охватывают взаимоотношения государства, крупного, среднего и малого бизнеса, а также науки, образования и бизнес-структур.

Нередко во взаимодействии государства и бизнеса обнаруживается растущая теснота связей при объединении финансовых и административных ресурсов. В российской экономике покровительство со стороны органов власти и ее представителей рассматривается бизнесом как одно из важнейших условий успешной деятельности. Что же касается конкурентной борьбы за инновационные разработки, то узкий горизонт стратегического планирования и ориентации на импортную продукцию и технологии является видимым препятствием к ее разворачиванию. Издержки конкурентного поведения в этой сфере рассматриваются бизнесом как чрезмерные, а их сопряжение с высокими рисками – как препятствие к выстраиванию конструктивного диалога с потенциальными партнерами.

Социальное партнерство, а также субконтрактные и кластерные взаимодействия являются наиболее приемлемыми для Российской Федерации с точки зрения возможностей снижения транзакционных издержек. Эффект интеграции может проявляться в объединении научно-технических и капитальных ресурсов, минимизации затрат на подготовку кадров, получающих дополнительные специальные компетенции, общеобразовательные и исследовательские навыки. Наконец, интеграция не исключает удовлетворения интересов входящих субъектов при ориентации на единую объединяющую цель. Ее экономическим основанием выступает минимизация рисков и сокращение внутренних затрат при переходе на выпуск новой продукции.

В условиях России необходимая связь между созданием и внедрением новаций в производство активизируется в рамках персонифицированного взаимодействия, которому отдают предпочтение все больше представителей вузов и сферы бизнеса. Исследователи указывают на неформальные договоренности как на форму, поддерживающую моральные ценности общества, не склонного к развитию и принятию инструментов принуждения [13]. Это тем более существенно при взаимодействии бизнеса и научно-образовательного комплекса, где бизнес предпочитает придерживаться рыночных стратегий и норм. В то время как при взаимоотношении государства и бизнеса последний с готовностью принимает патерналистскую стратегию, где государство покровительствует хозяйствующим субъектам, осуществляет бюджетные влияния и устанавливает налоговые преференции.

Между тем принуждение к исполнению контракта – важнейший эффективный институт, получивший развитие в странах Запада. Адекватные инструменты принуждения требуют дальнейшего развития, и научное сообщество должно серьезно на междисциплинарной основе изучать конкретные практики их внедрения с целью проектирования возможностей адаптации в развивающихся экономиках. Очевидно, что институты законодательного и административного участия в РФ могут и должны функционировать на уровне Федерации и регионов, используя потенциал человеческого, социального и

культурного капитала, накопленный на территориях. Мы имеем в виду конкретные формы функционирования общественных образований, включенность представителей власти, бизнеса, научно-образовательного сообщества, других компетентных субъектов, способствующих вызреванию института гражданского общества.

Получают развитие исследования тесноты влияния связи качества институтов на результаты преобразований, возможности влияния прироста важнейших общеэкономических показателей. В частности, обнаруживается наличие так называемой «короткой» связи между динамикой рынка финансовых активов и поведением инвесторов, с готовностью сворачивающих инвестиционные решения в ответ на снижение курсов, принятие непопулярных политических мер. Как указывается группой авторов, «видимое и резкое улучшение качества институтов может достаточно быстро и сильно повлиять на темпы роста ВВП. В то же время доверие инвесторов легко утратить: ухудшение качества институтов может негативно сказаться на темпах роста, даже если 30 лет до этого страна была лидером во всех рейтингах...» [14. С. 56].

С позиций получивших поддержку положений институциональной теории заметим, что реализация концепций развития происходит при наличии ряда становящихся институциональных условий. Важнейшее значение приобретает разработка государственных программ развития, среди которых Стратегия 2020 – второй вариант концепции долгосрочного развития России до обозначенного 2020 г. [15]. В рамках Министерства экономического развития России были концептуально разработаны отдельные положения, проясняющие видение целей, принципов, содержания и этапов. Наряду с этим указывались детальные количественные ориентиры, которых следовало достичь к 2020 г. в той или иной сфере. К общим для разработки и реализации государственных программ принципам отнесены:

- четко определенные долгосрочные цели социально-экономического развития и индикаторы их достижения;
- согласование органа исполнительной власти, отвечающего за реализацию государственной программы (достижение конечных результатов);
- установление измеримых результатов двух типов: конечных, характеризующих удовлетворение потребностей внешних потребителей, и непосредственных, характеризующих объемы и качество оказания государственных услуг, прогнозируемых при заданных условиях.

Предполагалась интеграция регулятивных (правоустанавливающих, правоприменительных и контрольных) и финансовых (бюджетных, налоговых, таможенных, имущественных, кредитных, долговых и валютных) инструментов для достижения целей государственных программ и т.д. Если учесть последние решения, то среди них новые Методические указания по разработке и реализации государственных программ (приказ Минэкономразвития России от 26 декабря 2012 г. № 817, отменяющий приказ Минэкономразвития России от 22 декабря 2010 г. № 670).

Федеральными органами исполнительной власти – ответственными исполнителями государственных программ разрабатываются также планы реализации государственных программ на трехлетнюю перспективу. Управление реализацией трехлетних планов предусмотрено осуществлять с помощью

проектных методов организации деятельности федеральных органов исполнительной власти при координации различных видов ресурсов и постоянном контроле над установленными проектом сроками.

С точки зрения качества этот и последующие перечни принимаемых решений вызывают неудовлетворение. Так, Указом Президента от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике» [16] определен ряд целевых показателей социально-экономического развития: создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г.; увеличение объема инвестиций не менее чем до 25% внутреннего валового продукта к 2015 г. и до 27% – к 2018 г.; увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.; увеличение производительности труда к 2018 году в 1,5 раза относительно уровня 2011 г.; повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й – в 2015 г. и до 20-й – в 2018 г. А уже в Послании Президента России Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. находим постановку целей структурной перестройки экономики, среди которых ее деофшоризация и демонополизация, обновление промышленности, создание механизмов долгосрочного кредитования производственной деятельности, усовершенствование налогово-бюджетной политики, всемерное развитие экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Характерна множественность нормативных документов, дополняемых несоординированными с общими задачами текстами положений и указов президента. При самой поверхностной оценке обращают на себя внимание обилие количественных оценочных показателей, а также признаки присутствия элементов точечного воздействия (указы президента), свойственного скорее централизованной системе регулирования. Ее положительные и отрицательные стороны давно не являются материалом для дискуссии и к тому же уступают место исследованиям системы адекватного новому неоиндустриальному этапу развития механизму регулирующего воздействия государства.

Возникает потребность обозначить (наметить, вычленив) элементы хозяйственного порядка, которые позволяют реализовать государственную стратегию с целью обретения экономикой желаемого уровня. Безусловно, одних только количественных и качественных значений параметров развития в этом случае явно недостаточно. В этой связи приходят на ум оценки представителей фрайбургской школы в подтверждение введения неэффективных институтов, препятствующих становлению действительной, а не мнимой интеграции основных акторов процесса развития в странах с отвергаемым социалистическим плановым порядком и диктаторским порядком нацистской Германии. В противоположность выдвигается идея координации хозяйственных планов и действий на основе синтеза упорядочивающих и стимулирующих развитие институтов.

Убежденность в неспособности «всеобъемлющего плана» решить задачу координации в современном индустриальном хозяйстве высказывается рядом авторов. Как и Вильгельм Репке [17. С. 142], Франц Бем, типичный представитель немецкого неолиберализма, убежден, что порядок централизованного

планового хозяйства ниже порядка рыночного, ибо основан «всего лишь на принципе субординации». Зато, как полагает последний, в частном хозяйстве уровень и техника планирования определенно выше. Он добавляет, что «...для гарантии соблюдения границы сфер компетенции со стороны политической власти, которая обладает *гораздо большей мощью* по сравнению с обществом, необходимо обеспечение *действенного участия представителей общества* в государственном управлении» [18. С. 198].

Порядок, уверен Ганс Вильгеродт, понимаемый прежде всего как институционально-правовые рамки рыночного хозяйства, содержит «упорядоченные структуры, где параметры производства, инвестиций, потребления, внешней торговли и т.д. имеют не произвольную величину, а определенным образом настраиваются друг на друга» [19. С. 287]. Несомненно, что бизнесу необходима стабильность, от регулирующего органа прежде всего требуется предвидение, долгосрочное планирование государственных инвестиций и т.д. В силу этих причин, убежден Г. Вильгеродт, бюджет, как и валютный курс, должен быть не стабильным, а, напротив, гибким. Если же бюджет окажется привязанным к долгосрочным стратегиям, он по определению окажется лишённым необходимой рыночному порядку гибкости. Между тем именно корректировки, возникающие при решении задач приспособления к изменяющимся реалиям, обеспечивают максимальное сближение ожидаемых и реальных результатов функционирования рыночных субъектов. Бизнес, работающий в изменяющейся среде, но нуждающийся в стабильности, маневрирующий бизнес – это постоянная дилемма развития социально-экономических систем. Он пишет, в частности, что «активную конъюнктурную политику можно проводить, только имея гибкий бюджет. Таким образом, государству приходится выбирать: хочет ли оно регулировать хозяйство или связывать себя долгосрочными задачами» [19. С. 307].

Позволим себе еще несколько замечаний по поводу оценок немецких неолибералов, содержащихся в упомянутых источниках. Озабоченное регулированием государство вынуждено брать на себя ответственность, или, как выражаются авторы, «на государство ложится коммерческая ответственность» в том случае, когда оно устанавливает квоты предпринимателям и тем самым обеспечивает действенность механизмов стимулирования, добивается направленного согласования интересов, гибкости бюджета. Координирующая функция государства в этом случае порождает активный ответ со стороны бизнеса, который ощутимо выше, чем реакция на рыночные сигналы. А вот реакция на изменение поведения государства, не сопряженного с принятием коммерческого риска, т.е. реакция на изменения в поведении государства, однозначно сужает временной горизонт стратегических инициатив бизнеса. И чем чаще при прочих равных условиях государство изменяет свое поведение, тем уже совокупный горизонт планирования [19. С. 326, 335], в рамках которого работают предпринимательские структуры.

В экономике России, как неоднократно отмечали представители экспертного сообщества, серьезные инновационные стратегии, будучи стратегиями качественных преобразований, требуют расширения горизонта, удлинения процедур подготовки к принятию решений и их реализации. Например, согласно имеющейся в СМИ информации, государство постепенно, шаг за ша-

гом выстраивает нормы поведения, демонстрируя приоритеты в сфере подготовки квалифицированных кадров. Так, правительство страны утвердило правила участия объединений работодателей в мониторинге потребностей экономики в квалифицированных кадрах... [20. С. 3]. Работодателям также будет предоставлена возможность участия в «разработке и реализации государственной политики в области образования». В качестве инструментов, которые при этом будут реализованы при участии объединений, называются участие «в разработках проектов государственных образовательных стандартов и в государственной аккредитации образовательной деятельности», а также «предложения по формированию перечней профессий, специальностей и направлений подготовки с учетом “потребностей в кадрах общества и государства, в том числе для обеспечения его обороны и безопасности”».

Действенность подобного рода инструментов не вызвала бы сомнений, если бы эти формы работы проводились на постоянной основе, подтверждая актуальность поиска форм взаимодействия государства и бизнеса с учетом согласования интересов. Это позволило бы обеспечить сложение технико-технологического, инвестиционного, организационного и человеческого потенциалов и, как сказал в своем интервью директор Курчатковского института М. Ковальчук, в «течение 10–15 лет... отстроить экономику следующего технологического уклада. Иначе страны просто не будет» [21. С. 3]. Модель взаимодействия для противодействия вызовам XXI в. должна быть выстроена на началах стратегического партнерства, при котором государство определяет и регулирует порядок действий субъектов, не вмешиваясь в сами хозяйственные процессы. Непременным условием реализации модели является стратегия средне- и долгосрочного социально-экономического и технологического развития, содержащая ориентиры по целям, инструментам и результатам.

При наличии позитивных инициатив высокопоставленных представителей государства имеют место случаи затягивания с принятием очередных мер воздействия. Так, глава Минэкономразвития, отвечая на вопросы о перспективах деятельности министерства в текущем году, заявил, что мы «переходим к схеме, по которой капиталовложения финансируются через бюджетную субсидию». Здесь пока нет «стратегического документа», а есть «предложения по первоочередным мерам, которые можно реализовать в короткие сроки и они дадут результат в среднесрочной перспективе» [2]. Они в основном ограничиваются понятными сферами, такими как бюджетный маневр, инвестиции в человеческий капитал, дополнительное снижение административных барьеров, упрощение ряда процедур, снижение транзакционных издержек, вообще более дружеское отношение к бизнесу. Это вопросы и регулирования тарифов, мер поддержки несырьевого экспорта, малого и среднего бизнеса и т.д. Из ответа следует, что стратегические решения уступают место скорее отдельным мерам воздействия, требующим своего закрепления в практике регулярных предложений к участию.

Отсутствие стратегии проявляется и в целом ряде других моментов. Например, как отмечают эксперты ОЭСР, существенное повышение в 2012 г. зарплаты судей в РФ результатов не принесло. Налицо незащищенность прав собственности. Граждане страны, как и иностранцы, испытывают страхи, предпочитая «сворачивать» в России свой бизнес. «Кроме того, они не видят

перспектив на российском рынке из-за избыточного присутствия государства, по данным даже первого вице-премьера Игоря Шувалова, более 50% нашей экономики находится в руках у государства (т.е. у чиновников). ОЭСР считает, что это создает большие проблемы, особенно в банковском секторе, транспорте и энергетике». Для снижения оттока капитала (почти \$63 млрд в 2013 г.) эксперты настоятельно советуют «...применять не такие жесткие меры госрегулирования, как, например, деофшоризация, а, наоборот, создавать условия для успешного ведения бизнеса в самой стране» [22].

Оценка инициатив государства в РФ, сопряженных с оценкой качества институтов, скорее подтверждает результаты наблюдений специалистов фрайбургской школы и отечественных экспертов. Безусловно, требуется серьезная корректировка правил точечного воздействия государства: **они должны быть регулярными**. «Стимул к инвестициям должен постоянно повторяться, чтобы предприниматель задумался о них», – писал Ганс Вилльгеродт [19. С. 315]. Изменения в поведении государственных органов допустимы, если являются мерой регулирования, снижающей неопределенность рыночных взаимодействий, и препятствуют конкуренции. Оценку им должны давать бизнес и экспертное сообщество. Государство должно определять стратегические приоритеты для снятия неопределенности и создания стабильности условий жизнедеятельности населения и бизнеса.

Итак, основные вопросы перспектив и конкретных условий развития Российской Федерации требуют своего решения, прежде всего в теоретико-методологическом аспекте, очевидны научному сообществу, но встречаются препятствия в плане практической реализации. Они касаются понимания новой роли государства в условиях технологического этапа, отражающей природу глобального социально-экономического процесса, как в смысле поэтапного продвижения к построению скоординированных технико-технологических и социально-экономических прогнозов и программ развития, так и выстраивания адекватных форм взаимоотношения государства и бизнеса. Государство не может и не должно снижать эффект присутствия в экономике без того, чтобы не позаботиться об обеспечении действия механизмов регулирования и саморегулирования, допускающих к участию основные силы гражданского общества, бизнес-сообществ, интегрированного участия научно-образовательного комплекса и бизнес-структур, при их активной мотивации, обусловленной соблюдением прав и свобод.

Возможности вмешательства в развитие функционирующих институтов перманентного хозяйственного порядка реальны, если они обусловлены наступлением рисков снижения условий жизнедеятельности основных субъектов хозяйствования, а также условий жизнеобеспечения населения. Другие формы воздействия, основанные на точечных, краткосрочных мерах, «отпугивающих» бизнес, абсолютно неприемлемы. В этом прежде всего видится решение вопросов соотношения и соподчинения в реализации новых задач государственного и частного секторов, эффективного управления государственной собственностью, государственными и частными инвестициями.

Ретроспективный анализ реальных практик взаимодействия государства и бизнеса, как и исследование состояния и характера складывающихся в РФ с начала 90-х гг. XX в. отношений основных субъектов рыночно-регулируемых

взаимодействий, подтверждает необходимость изменения модели участия государства и бизнеса в рамках средне- и долгосрочной стратегий. Каждый из участников (акторов) процесса должен приобрести реальные, а не мнимые полномочия, позволяющие наиболее эффективно раскрыть потенциал участия. Что имеется в виду?

Бизнес (особенно крупный) – принять на себя риски осуществления инвестиционных решений с минимальным участием средств налогоплательщиков. Для этого *государство*, минимизируя долю бюджетного участия в страховании потерь бизнеса, гарантированно обеспечивает устойчивость правил в долгосрочном периоде, создавая базу для уверенности в неизменности на обозримую перспективу условий внешней среды для функционирования бизнеса. Государство поддерживает и развивает инвестиционную инфраструктуру, создает недопустимые для коррупции рамки, нарушение которых пресекается поддержанием жестких институтов контроля за соблюдением принятых решений.

Государство в этой модели, как справедливо заметила О. Дмитриева, гарант, но не пассивный распределитель финансовых средств без права на управление. Государство – субъект, формирующий и обеспечивающий «...преимущества гарантированного бюджетного финансирования и страхования предпринимательских рисков бюджетными средствами» [10. С. 13]. Закон об управлении ОАО, о стратегическом планировании, безусловно, необходим!

Литература

1. *Мау В. В.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 4–32.
2. *Улюкаев* в интервью РБК о слабеющей экономике, эффекте Сочи и Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/23/02/2014/906717.shtml>
3. *Глазьев С.Ю.* Состоится ли переход российской экономики на инновационный путь развития? (О правительственных долгосрочных концептуально-прогнозных проектировках) // Российский экономический журнал. 2008. № 1–2. С. 1–11.
4. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/instdev/institute/>
5. *Удельный вес валового накопления в ВВП, процент, значение показателя за год/ Федеральная служба государственной статистики* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=1173029>
6. *Дементьев В.* К дискуссии о роли госкорпораций в экономической стратегии России // Российский экономический журнал. 2008. № 1–2. С. 27–41.
7. *Хопманн Э.* Мораль и рыночная система // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: пер. с нем. / под общ. ред. В. Гутника. М.: Экономика. 2002. С. 374–409.
8. *Освальт В.* Свободная от власти рыночная экономика // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: пер. с нем. / под общ. ред. В. Гутника. М.: Экономика, 2002. С. 437–463.
9. *Дмитриева О.Г.* Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации // Российский экономический журнал. 2013. № 2. С. 30–45.
10. *Дмитриева О.Г.* Управление государственной собственностью в России: иррациональность устоявшихся особенностей // Российский экономический журнал. 2013. № 1. С. 13–27.
11. *Скрыльникова Н.А., Ложникова А.В., Щетинин П.П.* Синтез долгосрочного научно-технологического и социально-экономического прогнозирования в современной России // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2013. № 4(24). С. 37–47.

12. *Водопьянов П.А., Кирвель Ч.С.* Концепт постиндустриализма и реальный социальный процесс // Социология. 2011. № 1. С. 20–32 [Электронный ресурс]. URL: [http:// elib.bsu.by/ handle/123456789/6353](http://elib.bsu.by/handle/123456789/6353)
13. *Санина А.Г.* Условия интеграции науки, образования и бизнеса в современной России // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 122–129.
14. *Акиндинова Н., Алексащенко С., Петроневиц А., Петроневиц М.* Сколько стоят неработающие институты? // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 41–65.
15. *Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период 2020 г.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/gridnev/2020-2012>
16. *Указ Президента от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»* [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/2012/05/09/gospolitika-dok.html/
17. *Ренке В.* Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неоллиберализм. М.: Экономика, 2002. С. 120–171.
18. *Бем Ф.* Частноправовое общество и рыночная экономика // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неоллиберализм: пер. с нем. / под общ. ред. В. Гутника. М.: Экономика, 2002. С. 191–268.
19. *Вильгеродт Г.* Зачем нужно государственное планирование в рыночном хозяйстве? // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неоллиберализм: пер. с нем. / под общ. ред. В. Гутника. М.: Экономика, 2002. С. 269–342.
20. *Кадры* всякие нужны? – пример прямого институционального воздействия // Пятница [газ.] 2014. 14 февр. С. 3.
21. *Чуйков А.* Похоронный канкан над российской наукой. Форум // Аргументы недели [газ.] 2014. 30 янв. С. 3.
22. *Бадмаева И.* Государство само разрушает экономику России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/economics/article/2014/01/17>

Kolomiets Tatyuna I. Department of General and Applied Economics, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: tkolom@yandex.ru

WHY DO DEVELOPMENT INSTITUTIONS NOT WORK?

Keywords: Development institutions; Exogenous interaction; Spot regulation; Effect of distrust in government institutions.

The analysis of the conditions necessary for the proper functioning of socio-economic systems includes the principles of assessing the quality of existing and emerging development institutions as an essential foundation. Theoretical-economic research regarding direct and indirect connections between the quality of institutions, investments and the pace of economic development continues to be a topic of discussion both in the Russian Federation and abroad. This body of research is distinguished by the use of data for groups of developing countries with different indicators of key phenomena such as productivity, government spending and corruption in the analysis. This, among other factors, strengthens the relevance of comparisons in institutional development in OECD countries and emerging economies.

The author emphasizes the inefficiency of development institutions created in the Russian economy in order to mobilize and provide incentives for private investment, and enable access to financial and informational resources. Their concentration is necessary for innovation-oriented economies.

The paper reveals the essence of destructive changes in the technical and social spheres at times of the increasing capacity to produce qualitatively new goods and services in the global economic system. The lack of regulatory impacts of the Russian government in the absence of a coordinated socio-economic development model is proved. The goal of the existing model is to reduce the effect of government participation, which is not compensated for by the introduction of stimulation innovation processes of state economic policy instruments.

By using the achievements of global economic thought, including research findings of German neoliberal economists, the author illustrates the spot exogenous interaction of regulators that produces a disincentive effect. The presence of such practices generates an additional effect of non-confidence in government institutions and strengthens investing inertia trends. The horizons for strategic business initiatives are being narrowed, since the risks involved in participating in development projects are increasing.

The evaluation of government actions as inconsistent with the requirements of correcting market transactions that involve business structures contributes to the scientific novelty of the paper. The modernization of the research paradigm of technical and socio-economic development processes has practical implications in the process of transferring from solving the problem of market failure compensations to developing the concept of post-industrial state regulation.

The paper justifies the need to change the model of government and business participation in the framework of medium-term and long-term strategies. In such a model, the state guarantees the stability of regulations in the long term by minimizing the share of budgetary participation in insurance of business losses. The role of the state is determined by guarantees of the real distribution of financial resources. Business, especially large-scale business, assumes the risks of investments with minimum participation from taxpayers.

References

1. Mau V. V ozhidanii novoy modeli rosta: sotsyal'noe-ekonomicheskoye razvitiye Rosii v 2013 godu [In anticipation of a new growth model: Russia's socio-economic development in 2013]. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 2, pp. 4-32.

2. Ulyukayev A.V. *Ulyukayev v interv'yu RBK o slabeyushchey ekonomike, effekte Sochi i Ukraine*. Interviewed by ...D. Koptyubenko, R. Badanin, A. Reut, E. Osetinskaya. RBC, 23 February 2014. Available at: <http://top.rbc.ru/economics/23/02/2014/906717.shtml> (accessed 24 April 2014). (In Russian).

3. Glaz'yev S.Yu. Sostoitsya li perekhod rossiyskoy ekonomiki na innovatsionnyy put' razvitiya? [Will the Russian economy shift toward a new path of development?]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2008, no. 1-2, p. 5.

4. Ministry for Economic Development of the Russian Federation. *Activity of Development Institutions*. Available online at: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/instdev/institute/> (accessed 24 April 2014). (In Russian).

5. Federal State Statistics Service. *The share of gross capital in GDP, percentage, value of index over a year*. Available online at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=1173029> (accessed 25 April 2014). (In Russian).

6. Dement'yev V.K. K diskussii o roli goskorporatsiy v ekonomicheskoy strategii Rossii [Discussion on the role of state companies in Russia's economic strategy]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2008, no. 1-2, p. 41.

7. Hopmann E. *Moral' i rynochnaya sistema. Teoriya khozyaystvennogo poryadka: "Frayburgskaya shkola" i nemetskiy neoliberalizm* [Morals and the Market System. Theory of Economic Order: Freiburg School and German Neo-liberalism.]. Translated from German by V. Gutnik (Ed.). Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 482 p.

8. Oswald W. *Svobodnaya ot vlasti rynochnaya ekonomika. Teoriya khozyaystvennogo poryadka: "Frayburgskaya shkola" i nemetskiy neoliberalizm* [Market Economy Free from Government. Theory of Economic Order: Freiburg School and German Neo-liberalism.]. Translated from German by V. Gutnik (Ed.). Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 482 p.

9. Dmitrieva O.G. Osobennosti upravleniya gosudarstvennoy sobstvennostyu v Rossiyskoy Federatsii [Specifics of managing state property in the Russian Federation]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2013, no. 2, p. 30-45.

10. Dmitriyeva O.G. Upravleniye gosudarstvennoy sobstvennostyu v Rossii: irratsional'nost usloyavshikhya osobennostey [Managing state property in Russia: the irrationality of the established approaches]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2013, no. 1, p.

11. Skrylnikova N.A., Lozhnikova A.V., Shchetinin P.P. Sintez dolgosrochnogo nauchno-tekhnologicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo prognozirovaniya v sovremennoy Rossii [Synthesis of long-term scientific, technological and socio-economic forecasting in contemporary Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2013, no. 4 (24), pp. 37-47.

12. Gubanov S. Neoundustrializm plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neo-industrialism plus vertical integration: on Russia's development formula]. *Ekonomist*, 2008, no. 9, p. 3; Vodop'yanov P.A., Kirvel Ch.S. Kontsept postindustrializma i real'nyy sotsialnyy protsess [The concept of post-industrialism and the actual social process]. *Sotsiologiya*, 2011, no. 1, pp. 20-32.

13. Sanina A.G. Usloviya integratsii nauki, obrazovaniya i biznesa v sovremennoy Rossii [The requirements for integrating science, education and business in contemporary Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2010, no. 7, pp. 122-129.

14. Akindinova N., Aleksashenko S., Petronevich A., Petronevich M. Skol'ko stoyat nerabotayushchiye instituty? [How much do non-working institutions cost?]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 8, pp. 41-65.

15. Gridnev V. *Strategiya 2020: Novaya model' rosta, novaya sotsial'naya politika. Itogovyy doklad o rezultatakh ekspertnoy raboty* [Strategy 2020: New model of growth, new social policy. The final report on the results of specialist research]. March 2012. Available online at: <http://www.slideshare.net/gridnev/2020-2012> (accessed 27 April 2014).

16. Decree of the RF President "On Long-term State Economic Policy" of May 07, 2012 No. 596. Available at: www.rg.ru/2012/05/09/gospolitika-dok.html/ (accessed 27 April 2014). (In Russian).

17. Röpke W. Kernfragen der Wirtschaftsordnung [The Kernel Questions of the Economic Order]. In: *ORDO: Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*, Bd. 48, Stuttgart, 1997. pp. 27-64.

18. Franz B. *Chastnopravovoye obshchestvo i rynochnaya ekonomika. Teoriya khozyaystvennogo poryadka: "Frayburgskaya shkola" i nemetskiy neoliberalizm* [Private Law Society and Market Economy. Theory of Economic Order: Freiburg School and German Neo-liberalism]. Translated from German by V. Gutnik (Ed.). Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 482 p.

19. Willgerodt H. *Zachem nuzhno gosudarstvennoye planirovaniye v rynochnoy khozyaystve? Teoriya khozyaystvennogo poryadka: "Frayburgskaya shkola" i nemetskiy neoliberalizm* [Why do we need state planning in the market economy? Theory of Economic Order: Freiburg School and German Neo-liberalism]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 482 p.

20. Pyatnitsa. Kadry vsyakiye nuzhny? - primer pryamogo institutsional'nogo vozdeystviya [Need any employees? An example of direct institutional impact]. *Pyatnitsa*, 2014 Feb 14, p. 3.

21. Chuykov A. Pokhoronnyy kankan nad rossiyskoy naukoj. Forum [A funeral can-can for the Russian science]. *Argumenty nedeli*, 2014 Jan 30, p. 3.

22. Badmayeva I. Gosudarstvo samo razrushayet ekonomiku Rossii [The government itself is destroying the Russian economy]. *Moskovskiy Komsomolets*, 2014 Jan 17. Available at: <http://www.mk.ru/economics/article/2014/01/17> (accessed 24 April 2014).

Поступила в редакцию DD.MM.2014

Received June DD, 2014

For referencing:

Kolomiets T.I. Pochemu ne rabotayut instituty razvitiya? [Why do development institutions not work?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2014, no. 2 (26), pp. 39–53.